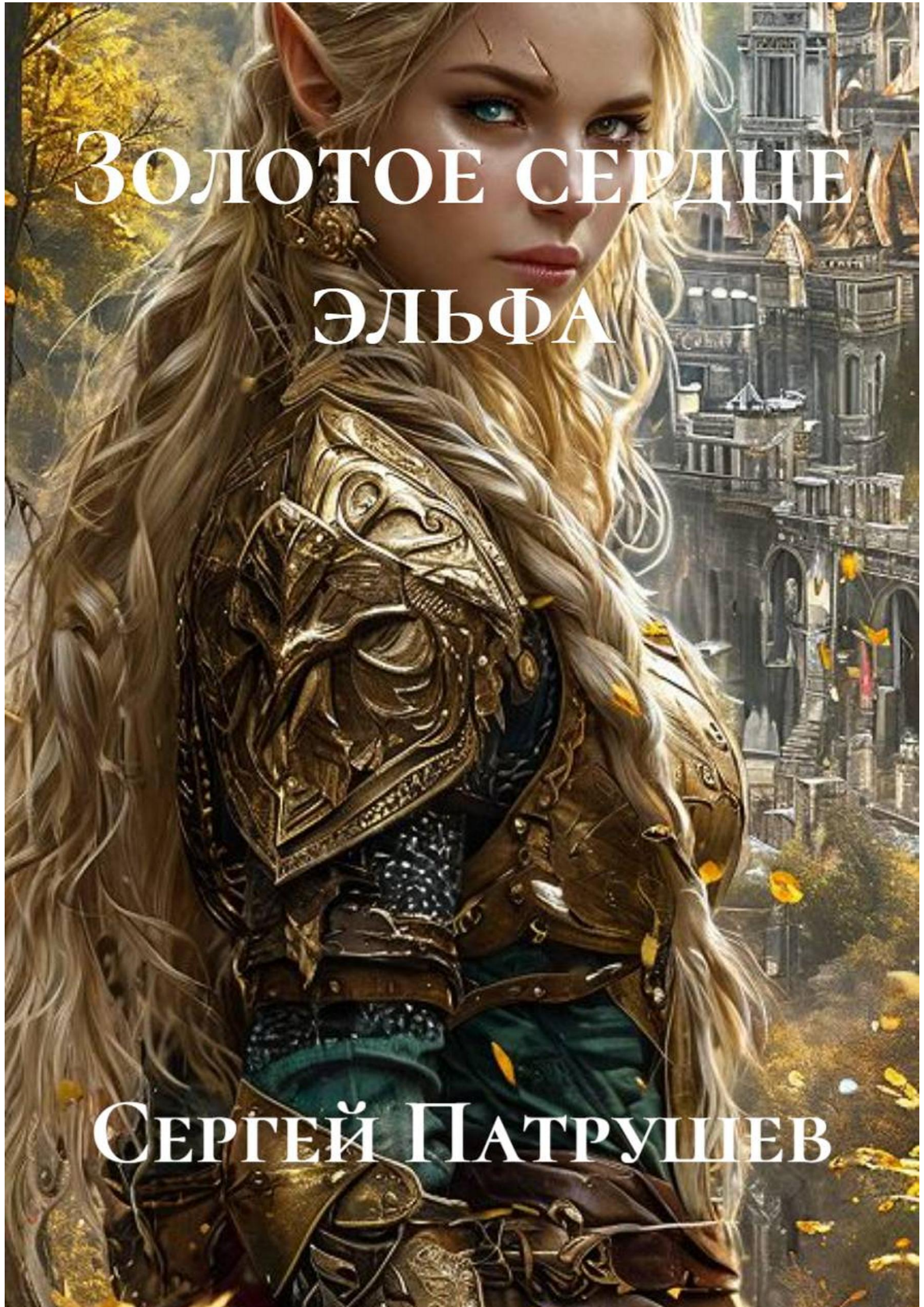

ЗОЛОТОЕ СЕРДЦЕ ЭЛЬФА

СЕРГЕЙ ПАТРУШЕВ

Сергей Патрушев

Золотое сердце эльфа

«Автор»

2026

Патрушев С.

Золотое сердце эльфа / С. Патрушев — «Автор», 2026

Мир Лианы рухнул в один миг. Эллоран, священный эльфийский лес, обращен в пепел тёмным пламенем, а её народ уничтожен. Чудом выжив, она находит на руинах родного дома странный артефакт — Золотое сердце эльфа, тусклый кусок металла, который, как выясняется, является кристаллизованной душой древнего короля. Это не просто реликвия, а ключ либо к возрождению умирающей магии, либо к абсолютной власти. Преследуемая охотниками за артефактами и преданная тем, кому она доверилась, Лиана вынуждена отправиться в опасное путешествие. Ей предстоит пройти три смертельных испытания — Крови, Духа и Жертвы, чтобы пробудить силу сердца, но каждая крупица обретённого могущества требует плату: амулет забирает частицу её собственной жизни, стирая эльфийскую легкость и оставляя взамен лишь жесткую решимость. Чтобы завершить свой путь, Лиане придётся сделать выбор, на который не отважится даже герой: отказаться от мести ради спасения невинных и принести в жертву нечто большее, чем сама жизнь.

© Патрушев С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Пепел Зачарованного леса	5
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Сергей Патрушев

Золотое сердце эльфа

Глава 1. Пепел Зачарованного леса

Мир для Лианы всегда начинался со света. Не с того резкого, слепящего света, что бьет в глаза поутру, разгоняя остатки сна, и не с того бледного, холодного сияния, что пробивается сквозь зимние тучи. Её мир начинался с мягкого, струящегося сквозь кроны древних дубов и серебристых ив света — живого, теплого, наполненного дыханием самой земли. Он просачивался сквозь листву, словно жидкое золото, разгоняя предрассветный туман, клубившийся у корней, и рисовал на земле причудливые, вечно меняющиеся узоры. Этот свет был голосом леса, его пульсом, его незримой песней. Он шептал о начале нового дня, о росе на лепестках лилий, о пении первых птиц, пробуждающихся в своих гнездах. И Лиана, как и все в Эллоране, слышала этот шепот с самого рождения. Она не помнила момента, когда впервые ощутила эту связь — она просто была. Так же естественно, как дыхание, как биение сердца, как ток крови в жилах. Лес был не просто её домом; лес был её продолжением, а она — его. И эта мысль никогда не казалась ей странной или возвышенной. Для эльфов Эллорана это была самая обыкновенная истина, простая и незыблемая, как смена времен года.

Эллоран не был просто поселением. Он не был даже городом в том смысле, в каком это слово понимали люди, строившие свои каменные крепости и деревянные избы. Эллоран был симбиозом, высшей формой единения народа и природы. Дома здесь не строили — их выращивали. Ветви исполинских деревьев, повинаясь воле древних мастеров и силе самой земли, сплетались в изящные арки и просторные залы, образуя жилища, которые, казалось, сами были частью леса. Они не имели острых углов и прямых линий; их формы были плавными, текучими, повторяющими изгибы лиан и стволов. Стены этих живых домов были покрыты мягким мхом и вьющимися растениями, которые цвели круглый год, наполняя воздух тонким, едва уловимым ароматом. Улицы были вымощены не камнем, а мягким, пружинящим мхом, который никогда не увядал, поглощая шаги и делая передвижение по городу почти бесшумным. Мосты перекидывались через хрустально чистые ручьи не из дерева или веревок, а из живых, покрытых корой лиан, достаточно прочных, чтобы выдержать целую процессию, и достаточно гибких, чтобы слегка покачиваться под ногами, словно дыша. Свет, проникая сквозь листву, окрашивал всё в зеленовато-золотистые тона, и казалось, будто весь город парит в каком-то волшебном, подводном царстве, где время течет медленно и безмятежно.

Лиана знала каждый уголок этого города. Она знала, на каком дереве поют самые звонкие соловьи, в каком ручье вода самая чистая и сладкая, на какой поляне растут самые редкие и целебные травы. Она могла с закрытыми глазами пройти от своего дома до центральной площади, где возвышался Древний Ясень — дерево, посаженное, как говорили легенды, самим Первым Хранителем в день основания Эллорана. Его крона была так широка, что могла укрыть от дождя сотню эльфов, а его корни уходили так глубоко, что, по поверьям, достигали сердца мира. Под этим Ясенем собирались старейшины, чтобы решать важные вопросы, и там же, в дни праздников, звучала музыка и велись хороводы, в которых кружились и стар и млад. Лиана любила эти праздники. Ей нравилось наряжаться в платье из лепестков диких роз, которые её мать сшивала невидимой нитью из паутины, нравилось вплетать в волосы гирлянды из свет-

лячков, которые мерцали в темноте, словно живые звезды. В такие ночи лес казался ей самым прекрасным местом на свете, и она не могла представить себе жизни где-то еще.

Её дом, сплетенный из ветвей раскидистого вяза, стоял на окраине поселения, у самого края Зачарованного леса. Он был не таким большим и величественным, как дома старейшин, но зато отличался особым уютом и теплом. Задняя стена его выходила на небольшую поляну, где дикие цветы благоухали так, что кружилась голова, а по утрам, когда роса еще не успевала высохнуть, трава искрилась на солнце, словно усыпанная бриллиантами. Там, под сенью огромного дуба, любила сидеть её мать, Элвин, перебирая сухие травы и напевая старинные мелодии, которые, как она говорила, помогают растениям отдавать свою силу. Лиана часто сидела рядом с ней, вдыхая ароматы лаванды, ромашки и дикого меда, и слушала её рассказы о древних временах, о духах леса, о великих героях и страшных чудовищах. Это были самые счастливые часы её жизни, когда мир казался вечным, а любовь и тепло — неиссякаемыми.

Её отец, Фаэлин, был совсем другим. Он был одним из дозорных, охранявших границы леса. Высокий, статный, с пронзительным взглядом серых глаз, он мог бесшумно передвигаться по ветвям, становясь невидимым для чужого глаза, и понимал язык зверей. Лиана редко видела его дома, потому что его служба требовала постоянного присутствия на границе, но когда он возвращался, в доме сразу становилось светлее. Он приносил с собой запах дальних дорог, ветра и приключений. От него пахло хвоей, мокрой землей после дождя и чем-то неуловимо диким, свободным. Он сажал её на колени и рассказывал о том, что видел за пределами Эллорана — о бескрайних равнинах, о высоких горах, покрытых снегом, о далеких человеческих городах, шумных и суетливых. Лиана слушала его с замиранием сердца, но сама никогда не испытывала желания покинуть лес. Ей казалось, что всё, что нужно для счастья, находится здесь, среди этих деревьев, в этом уютном доме, рядом с этими двумя самыми дорогими ей существами.

Она была их единственной радостью, их надеждой, их продолжением. И она была счастлива. Это счастье было таким же естественным, как воздух, которым она дышала, как свет, который питал всё живое вокруг. Она не думала о будущем, потому что не сомневалась, что оно будет таким же безмятежным, как и её настоящее. Она не боялась смерти, потому что в Эллоране о смерти говорили лишь как о возвращении к истокам, как о растворении в великой силе леса. Она жила в гармонии с собой и миром, и это было всё, чего она могла желать.

Этот мир рухнул без предупреждения. Даже не рухнул — он сгорел.

Это случилось на закате. Солнце только начало клониться к горизонту, окрашивая небо в розовые и багряные тона, как вдруг ветер переменился. Он принес не привычную прохладу и запахи леса, а сладковатый, удушливый аромат гнили. Этот запах был настолько чуждым, настолько противоестественным, что Лиана сразу почувствовала ледяной укол тревоги. Она в тот момент была на поляне, собирая вечернюю росу с лепестков лунных лилий для целебной мази. Её тонкие пальцы осторожно снимали капли, которые в сумерках начинали светиться нежным голубоватым светом, и складывала их в маленький хрустальный флакон. Это было кропотливое, почти медитативное занятие, требующее полной сосредоточенности. Но когда ветер принес этот запах, она выпрямилась и замерла. Флакон едва не выскользнул из её внезапно ослабевших пальцев.

Она взглядела в темнеющий лес. Птицы, которые еще мгновение назад наполняли воздух своим щебетанием, разом смолкли. Наступила зловещая, неестественная тишина. Даже

листья перестали шелестеть, словно сами деревья затаили дыхание в предчувствии чего-то страшного. Тревога, словно холодная змея, обвила её сердце. Она почувствовала, как по коже побежали мурашки, а волосы на затылке зашевелились. Инстинкт, древний и безошибочный, закричал в ней: «Беги!» Но она не могла пошевелиться. Её ноги словно приросли к земле. Она стояла, парализованная ужасом, и смотрела на лес, который вдруг стал чужим и враждебным.

Тишина была оглушительной. Она была полна ожидания. Казалось, весь мир замер, затаив дыхание, перед какой-то катастрофой. Затем земля под ногами вздрогнула. Не сильно, но достаточно, чтобы с листья посыпались капли росы, а по поляне пронёсся низкий, утробный гул, исходивший, казалось, из самых недр земли. А потом раздался крик. Это был не крик человека. Это был вопль самого леса, полный боли и ярости. Он пронзил воздух, заставив Лиану прижать ладони к ушам, но даже сквозь них она слышала этот звук, от которого кровь стыла в жилах, а сердце грозило остановиться. Это был звук гибели, звук агонии, звук смерти, пришедшей за своей жатвой.

А затем небо над Эллораном разверзлось.

Это были не молнии. Это были столбы багрово-черного пламени, которые рухнули с небес, словно копья, брошенные разгневанным божеством. Они ударили в самое сердце поселения, и в тот же миг вековые деревья, хранившие покой её народа тысячелетиями, вспыхнули, как сухие спички. Пламя взметнулось вверх, лижа небо своими черными языками, и в его свете Лиана увидела, как рушатся дома, как гибнут сады, как испаряются ручьи. Это был не обычный огонь. Обычный огонь может сжечь дерево, но он не может убить магию, пропитавшую каждую ветвь, каждый лист, каждый камень Эллорана. Этот же огонь не просто сжигал — он пожирал. Он был живым, алчным, голодным. Он пожирал не только дерево и листву — он пожирал саму магию, саму жизнь этого места. Он был порождением ненависти и разрушения, и его целью было не просто уничтожить, но стереть с лица земли всё, что было связано с Эллораном.

Лиана застыла на месте, не в силах отвести взгляд от чудовищной картины. Её дом, её мир, всё, что она знала и любила, превращалось в огненный ад. Крики, полные ужаса и боли, разорвали тишину. Это кричали её сородичи. Она увидела, как из огненного вихря выбегают фигуры, объятые пламенем, и падают, не добежав до спасительной поляны. Она видела, как эльфы, которых она знала с детства, — соседи, друзья, учителя — метались в панике, пытаясь спастись от неумолимого огня, но пламя настигало их повсюду. Оно было быстрее, чем самый быстрый бегун, сильнее, чем самый сильный маг. Оно было неотвратимо, как сама судьба. Воздух наполнился запахом паленой плоти и горького пепла, и этот запах был настолько ужасен, что Лиану затошнило. Она упала на колени, не в силах больше выносить этого зрелища. Слезы хлынули из её глаз, но она не чувствовала их на своих щеках. Она вообще ничего не чувствовала, кроме всепоглощающего ужаса и отчаяния.

Чья-то рука грубо схватила её за плечо. Лиана обернулась и увидела отца. Его красивое лицо было перепачкано сажей, в волосах запутались обгоревшие листья, но глаза, эти серые глаза, которые она так любила, горели решимостью. В них не было страха. Была только воля к действию, к спасению. Он был воином, и он знал, что делать.

— Лиана, беги! — крикнул он, перекрикивая грохот рушащихся деревьев. — В глубь леса, к Древнему Камню! Не останавливайся!

Его голос был твердым, как сталь, и в нем не было ни капли сомнения. Он не просил, он приказывал. И в этот момент Лиана поняла, что он уже принял решение. Он не собирался бежать с ней. Он собирался вернуться в этот ад, чтобы найти её мать.

— Отец!.. — она хотела спросить про мать, сказать, что не может уйти без них, умолять его бежать вместе, но слова застряли у неё в горле. Она видела, как он смотрит на нее, и в этом взгляде было столько любви и боли, что её сердце разрывалось на части.

Он крепко, до синяков, сжал её плечи и притянул к себе, прижав на мгновение к своей груди. Она почувствовала его запах — этот знакомый, родной запах хвои и ветра, но к нему теперь примешивался запах дыма и гари.

— Я найду её, — прошептал он ей на ухо. — Беги, дитя, умоляю тебя. Не оглядывайся. Доберись до Древнего Камня. Там ты будешь в безопасности. Обещай мне!

Она не могла ничего ответить. Она лишь кивнула, чувствуя, как горячие слезы катятся по её щекам, смешиваясь с пеплом. Он отстранился, в последний раз заглянул ей в глаза, словно желая навсегда запомнить её лицо, а затем резко развернулся и побежал обратно, в самое пекло, в бушующее пламя, которое ревело и бесновалось, словно голодный зверь.

И она побежала. Колени подкашивались, слезы застилали глаза, но она бежала, не разбирая дороги, спотыкаясь о корни, чувствуя, как жар от пожарища обжигает спину. Ветки хлестали её по лицу, оставляя кровавые полосы, но она не чувствовала боли. Её тело действовало на каком-то первобытном, животном инстинкте, в то время как разум пребывал в состоянии шока. Все её мысли были только об одном — выжить. Бежать так, как сказал отец. К Древнему Камню, месту силы, где, по преданиям, можно найти спасение от любой беды. Она повторяла эти слова как молитву, как заклинание, которое могло уберечь её от окружающего кошмара. «К Древнему Камню. К Древнему Камню. Не останавливаться. Бежать».

Вокруг нее рушился мир. Деревья, которым было по тысяче лет, с треском ломались, словно сухие тростинки. Их падение сотрясало землю, и каждый раз Лиане казалось, что следующий ствол обрушится прямо на неё, похоронив под своей обгоревшей массой. Земля разверзалась, выбрасывая в небо фонтаны черной, вязкой жижи, которая пахла смертью и разложением. Из этой жижи, словно порождения кошмара, начали появляться фигуры. Это были не люди. Это были даже не звери. Это были сгустки тьмы, принявшие грубые, искаженные формы, которые могли лишь отдаленно напоминать очертания живых существ. От них веяло ледяным холодом и той самой сладковатой гнилью, которую принес ветер. Их пустые глазницы горели зловещим багровым светом, и этот свет был наполнен такой ненавистью и жадой разрушения, что Лиана едва не теряла сознание от одного взгляда на них.

Она металась между этими существами, как затравленный зверь, мечущийся в силках. Она не знала, замечают ли они её, или же им просто нет до неё дела. Возможно, они были настолько сосредоточены на разрушении, на уничтожении всего живого, что одинокая эльфийка, бегущая в панике, казалась им слишком мелкой добычей, недостойной их внимания. Или, возможно, какая-то неведомая сила хранила её, ведя сквозь этот ад к спасению. Как бы то ни было, она бежала, не останавливаясь, не оглядываясь, не позволяя себе думать о том, что осталось позади.

Один из них, массивный, похожий на искореженную тень в доспехах, взмахнул чем-то, похожим на меч, сотканный из самой ночи, и огромный дуб, стоявший на её пути, раскололся надвое, словно был не исполинским деревом, а сухой тростинкой. Волна раскаленного воздуха и древесных осколков отбросила Лиану в сторону. Она ударилась о ствол поваленного дерева, и перед её глазами вспыхнула ослепительная белизна, а затем наступила тьма. Сознание покинуло её, и она погрузилась в спасительное небытие.

Когда она пришла в себя, вокруг была лишь тишина. Та самая, звенящая, наполненная ужасом. Не было больше криков, не было грохота падающих деревьев, не было рева пламени. Только тишина, глубокая и всепоглощающая, как могила. Она открыла глаза. Над ней было небо, но не то прекрасное, розово-золотое небо заката, которое она видела еще несколько часов назад. Небо было багровым, словно раскаленный железный лист, и по нему плыли черные, клубящиеся тучи дыма, заслоняя собой звезды. Голова раскалывалась от боли, во рту был привкус пепла и крови, а в ушах стоял непрекращающийся звон. Казалось, этот звон будет преследовать её вечно.

Она с трудом поднялась на ноги, опираясь на обгоревший ствол. Пейзаж вокруг изменился до неузнаваемости. Зачарованный лес, её прекрасный, живой лес, превратился в выжженную пустошь. Повсюду, куда хватало взгляда, торчали черные, обугленные скелеты деревьев, напоминавшие собой скрюченные пальцы какого-то гигантского мертвеца, тянущиеся к небу в безмолвной мольбе о пощаде. Земля была покрыта толстым слоем серого, еще теплого пепла, который поднимался в воздух при малейшем движении, забиваясь в легкие и оседая на коже. Всё, что когда-то было зеленым и живым, теперь было серым и мертвым. И в этом сером безмолвии Лиана почувствовала себя песчинкой, затерянной в бесконечной пустыне смерти.

Она сделала несколько неверных, шатающихся шагов, оглядываясь по сторонам в поисках хоть какого-то ориентира. Но всё было чужим, мертвым. Она не узнавала этих мест. Деревья, которые она знала с детства, по которым она могла ориентироваться даже в самой непроглядной тьме, исчезли, превратившись в бесформенные головешки. Ручей, возле которого она так часто сидела и слушала пение воды, пересох, оставив после себя лишь черное, потрескавшееся русло. Ужас сковал её сердце ледяными тисками. Она была одна. Совершенно одна. В центре мертвого мира, который когда-то был её домом. И осознание этого было настолько чудовищным, что на мгновение ей показалось, будто её разум вот-вот рассыплется на тысячи осколков.

Слезы текли по её щекам, проделывая светлые дорожки на покрытом пеплом лице. Она не знала, сколько прошло времени. Минуты? Часы? Вечность? Время потеряло всякий смысл. Она просто брела вперед, сама не зная куда, перебираясь через обгоревшие стволы и спотыкаясь о невидимые под пеплом корни. Ноги налились свинцом, а в душе разверзлась пустота, куда более глубокая, чем любая пропасть. Мысли путались, обгоняя друг друга. Мать. Отец. Где они? Что с ними? Выжили ли они? Она не могла поверить, что их больше нет. Она не хотела в это верить. Ей казалось, что этот кошмар вот-вот закончится, и она проснется в своей уютной комнате, сплетенной из ветвей вяза, под ласковый шепот леса. Отец войдет в комнату, улыбнется своей доброй улыбкой и скажет, что это был просто плохой сон, что всё хорошо, что они вместе. Она повторяла эти слова про себя, как заклинание, но кошмар не заканчивался. Он был реален. И от этого было еще больнее.

Она дошла до того места, где раньше был её дом. От исполинского вяза, служившего им и укрытием, и опорой, и символом семейного тепла, остался лишь огромный обугленный пенёк, из которого все еще поднимались струйки едкого дыма. Вокруг были разбросаны обгоревшие до неузнаваемости вещи — то, что когда-то было их жизнью, их бытом, их воспоминаниями. Она увидела покореженный, оплавленный браслет, который сама подарила матери на день её рождения. Тот самый, с цветком дикой розы из горного хрусталя. Она потратила несколько недель, чтобы вырезать этот цветок так, чтобы он был как живой. Мать тогда расплакалась от счастья и не снимала его ни на миг. Теперь же он был изуродован огнем до неузнаваемости, превратившись в бесформенный кусок металла, который лишь отдаленно напоминал прежнее украшение. Лиана подняла его дрожащими руками, и он рассыпался в её руках, смешавшись с пеплом. Это было последним доказательством того, что прошлого больше нет. Её мир был уничтожен. Её семья была мертва. Всё, что она любила, обратилось в прах.

Она опустилась на колени прямо в горячий пепел, не чувствуя боли от ожогов. Ей было всё равно. Боль физическая была ничем по сравнению с той болью, что разрывала её душу. Силы оставили её. Она была опустошена, выпотрошена, словно из неё вынули всё, что делало её живой. Слезы высохли, сменившись тупой, ноющей пустотой. Она сидела, уставившись невидящим взглядом на черный остов дома, и не могла пошевелиться. Смерть казалась ей избавлением. Было бы так просто просто лечь здесь, закрыть глаза и присоединиться к своему народу. Уйти вслед за родителями, раствориться в этом пепле, стать частью этого вселенского пожара. Зачем ей жизнь? Зачем ей просыпаться каждое утро, зная, что она одна? Зачем ей дышать, если воздух наполнен запахом смерти? Эти вопросы крутились в её голове, не находя ответа. Она чувствовала, как тьма обволакивает её сознание, убаюкивая, успокаивая, обещая вечный покой.

Именно тогда она это и заметила. Среди серого, безжизненного пепла, на том месте, где раньше был семейный очаг, что-то блеснуло. Блеск был тусклым, едва уловимым, но в этом царстве смерти он казался инородным, чужеродным. Это был не блик света, отраженного от капли росы, и не искра, пробежавшая по раскаленному углю. Это было что-то совсем другое — холодное, безжизненное сияние, которое, казалось, исходило из самих недр земли. Оно было настолько незначительным, что его легко можно было бы не заметить, но Лиана, находившаяся в состоянии полного отчаяния, ухватила за него, как утопающий хватается за соломинку. Что-то в этом блеске привлекло её внимание, вырвав из пучины безысходности.

Сначала она подумала, что это какой-то осколок из их старой утвари. Возможно, разбитый кувшин или сломанное украшение, которое каким-то чудом пережило пожар. Но она не помнила у них ничего подобного. Она медленно, с трудом, подползла к этому месту. Её дрожащие, обожженные пальцы разгребли слой пепла. Под ним обнаружилась каменная плита, служившая основанием очага. Плита треснула от жара, и в этой трещине, словно в раскрытой пасти какого-то чудовища, что-то поблескивало. Лиана, забыв о боли и страхе, начала лихорадочно разгребать пепел и осколки камня. Вскоре её усилия увенчались успехом. Это был амулет. Он лежал в специальном, обгоревшем ларце, спрятанном в тайнике под одним из камней очага. Как он уцелел? Почему его не заметили раньше? Этот ларец был глубоко спрятан, как будто его очень давно, возможно, не одно столетие назад, замуровали в фундаменте дома. Должно быть, огонь, уничтоживший дом, обнажил это тайное место, разрушив камень, который служил ему крышкой. Возможно, жар заставил камень треснуть, и ларец оказался на поверхности. Или, возможно, это была какая-то злая ирония судьбы, пожелавшей открыть этот секрет именно в момент величайшей трагедии.

Ларец был сделан из почерневшего от огня и времени дерева, но все еще сохранял следы искусной резьбы. Лиана осторожно, словно боясь потревожить чей-то сон, открыла его. Внутри, на подстилке из истлевшего бархата, лежал амулет. И он был странным.

Это было не украшение, которое могли бы носить эльфы. У эльфов всё было исполнено изящества и гармонии, каждая линия, каждый изгиб были подчинены законам красоты и соразмерности. Этот же амулет был грубым, даже варварским, но в то же время в его грубости была какая-то завораживающая, мрачная сила. Его форма напоминала человеческое сердце, но искаженное, будто застывшее в момент последнего, предсмертного удара. Оно было слегка вытянуто, с неровными, рваными краями, словно его не выковал кузнец, а отлили из какого-то расплавленного металла, который застыл в произвольной форме. От него не исходило ни тепла, ни магии, ни жизни. Напротив, он был холодным, словно кусок льда, который никогда не тает. Этот холод был не физическим — он был каким-то метафизическим, проникающим сквозь кожу, добирающимся до самых костей, до самой души. Лиана, не прикасаясь к нему, уже чувствовала этот холод, исходящий от него волнами.

Амулет был выполнен из неизвестного металла, который отдаленно напоминал золото, но был гораздо темнее, тяжелее и, казалось, плотнее. Цвет его был странным — не яркий, солнечный, как у настоящего золота, а тусклый, мрачный, отдающий багровым оттенком, словно в металл была вплавлена капля застывшей крови. Поверхность амулета была неровной, покрытой какими-то микроскопическими впадинами и бугорками, которые образовывали причудливый, неразборчивый узор. Присмотревшись, Лиана заметила, что узор этот напоминает паутину трещин, словно сердце растрескалось от невыносимой боли. И в этих трещинах, казалось, застыла сама тьма.

Лиана сидела, замерев, и смотрела на амулет. Она не решалась прикоснуться к нему. Он пугал её. Он был чужеродным, не принадлежащим этому миру. Он был как зловеющий посланец из другой реальности, из мира, где нет места свету и жизни. И все же что-то в этом амулете притягивало её. Какая-то завораживающая, мрачная сила. Она не могла отвести от него взгляд. Ей казалось, что в его тусклой поверхности она видит отражение не только своего собственного, покрытого пеплом лица, но и отголоски того вселенского пожара, который уничтожил её дом. Она видела в нем отражение рушащихся деревьев, бегущих в панике эльфов, столбов черного пламени. Этот амулет был свидетелем. Он был частью этого разрушения. Или, возможно, наоборот — был его молчаливой причиной.

Мысли вихрем крутились в её голове. Зачем он здесь? Откуда он взялся? Почему он был спрятан в её доме? Кто его туда положил? Её родители? Но они никогда не говорили ей ни о чем подобном. Может быть, они сами не знали о его существовании? Или знали, но по какой-то причине скрывали? Что это за металл? Что это за символ — сердце, искаженное болью? Вопросы роились в её сознании, не находя ответов. Лиана чувствовала исходящую от него опасность. Это было словно держать в руках неразорвавшуюся стрелу с темным проклятием. Каждая клеточка её тела кричала о том, что этот предмет не принесет ей ничего, кроме беды. Что от него нужно бежать так же, как она бежала от огня и чудовищ.

Но в то же время она чувствовала и что-то другое — смутное, едва уловимое чувство предназначения. Словно этот холодный кусок металла ждал именно её. Ждал этого момента, когда весь её мир превратится в пепел, чтобы явить себя. Словно он был выкован специально для того, чтобы попасть в её руки в этот самый страшный час. Это чувство было иррациональ-

ным, но оно было сильным. Оно пересиливало страх и отвращение. Оно манило её, обещая ответы на вопросы, которые она еще даже не успела сформулировать.

«Почему я? — подумала Лиана, глядя на амулет. — Почему я выжила, а все остальные погибли? Может быть, в этом есть какой-то смысл? Может быть, я должна была найти эту вещь? Может быть, она поможет мне понять, что здесь произошло, и отомстить тем, кто это сделал?»

Эта мысль, мысль о мести, была неожиданной для неё самой. Раньше она никогда не испытывала ненависти. Но теперь, сидя на пепелище своего дома, глядя на странный амулет, она почувствовала, как в её груди, где-то глубоко, разгорается маленький, но горячий уголек. Это был уголек гнева. Гнева на тех, кто уничтожил её мир. На тех, кто убил её родителей. На тех, кто превратил Зачарованный лес в пепел. И этот уголек требовал топлива. Он требовал действия. Он требовал мести.

Ругая себя за безрассудство, но не в силах противиться какому-то внутреннему порыву, она протянула руку. Её пальцы, дрожащие и обожженные, коснулись холодного металла. В тот же миг ледяной огонь, казалось, пронзил её ладонь, поднялся вверх по руке, достиг плеча и ударил прямо в сердце. Она ахнула от неожиданности и резко отдернула руку. Амулет остался лежать на месте. Но в её ладони осталось странное ощущение — не боль, не холод, а какое-то покалывание, словно тысячи крошечных иголок впились в кожу. И еще — чувство. Чувство, что амулет... узнал её. Что он ждал именно её прикосновения.

Она снова, уже более решительно, схватила его. На этот раз она не отдернула руку, хотя холод стал еще сильнее. Он поднимался по её руке, растекался по телу, пробираясь в самые отдаленные уголки её существа. Но теперь этот холод не был враждебным. Он был... испытующим. Словно амулет проверял её, взвешивал её душу, решая, достойна ли она его силы. И, видимо, решил, что достойна. Холод начал отступать, сменяясь странным, едва уловимым теплом. Это тепло не было похоже на живое тепло огня или солнца. Это было тепло самого амулета, которое, казалось, пробуждалось ото сна после долгих лет забвения.

Лиана сжала амулет в кулаке. Тяжесть его была странно успокаивающей. Теперь у нее было что-то. Единственная вещь, которая осталась от её дома. Единственное, что связывало её с прошлой жизнью. И в то же время — единственное, что давало ей надежду на будущее. Она была не одна. С этим холодным, мертвым куском металла она чувствовала себя странно, но уже не так безнадежно одиноко. Словно у неё появился якорь, который удерживал её на краю пропасти отчаяния.

Она медленно поднялась на ноги. Пепел закрипел под её босыми ступнями. Она взглянула на затянутое дымом небо. Солнце, кроваво-красный диск, висело низко над горизонтом, словно рана, из которой сочилась тьма. Вокруг не было ни единого живого существа. Только тишина и пепел. Запах гари пропитал все вокруг, вьелся в её кожу и волосы. Этот запах, казалось, будет преследовать её до конца жизни.

Но теперь в ней что-то изменилось. Она стояла на том же самом месте, в том же самом пепле, но это была уже не та Лиана, которая несколько минут назад была готова умереть. Хрупкая, раздавленная горем девушка начала уступать место кому-то другому. Кому-то, кто выжил. Кому-то, кто нес на своих плечах не только груз потери, но и груз необъяснимой находки. Кому-то, кто был готов бороться. Вопрос, почему темные силы уничтожили Эллоран, был, безусловно, важен. Но еще более важным был вопрос — что теперь делать ей, последней, кто, воз-

можно, остался в живых? И почему этот странный амулет, «сердце» из неизвестного металла, оказался в самом центре её разрушенного мира?

Она посмотрела на амулет, который все еще сжимала в руке. Он больше не казался ей таким уж страшным. Он был частью её судьбы. Частью, которую она должна была принять. Возможно, именно в нем крылась разгадка произошедшего. Возможно, именно он поможет ей найти тех, кто уничтожил её дом, и отомстить им. Возможно, именно он поможет ей начать новую жизнь, какой бы тяжелой и одинокой она ни была.

Она не знала, куда идти. Но знала, что оставаться здесь нельзя. Отец говорил про Древний Камень. Возможно, там, у средоточия древней магии, еще теплится жизнь. Или, по крайней мере, там она сможет найти убежище и ответы. Она вспомнила все, что знала об этом месте. Древний Камень был древнейшим артефактом Эллорана, местом, где, как считалось, впервые зародилась магия Зачарованного леса. Он находился в самом сердце леса, в нескольких днях пути от их поселения. Дорога туда была трудной и опасной, но она знала ее. Она не раз бывала там с отцом, который рассказывал ей легенды о том, как этот камень упал со звезд и принес с собой жизнь в этот край. Если где-то и можно было найти спасение, то только там.

Она в последний раз окинула взглядом руины своего дома, пепелище, которое стало могилой для всего, что она любила. Слеза скатилась по её щеке, но это была уже не слеза отчаяния. Это была слеза прощания. Прощания с Лианой, которая жила в Эллоране, собирала травы и не знала бед. На ее месте рождалась новая Лиана — одинокая странница с пеплом в волосах и ледяным сердцем, сжимаемым в руке. Она не знала, что ждет её впереди. Но она знала, что больше никогда не будет прежней. Огонь уничтожил не только её дом, но и её саму, ту, прежнюю, беззаботную и наивную. Из пепла восставал кто-то новый, кто-то, кто был готов смотреть в лицо тьме, не отводя взгляда.

Она повернулась спиной к заходящему солнцу, окрасившему небо в цвета запекшейся крови, и шагнула в черный, обгоревший лес. На запад, к Древнему Камню. В неизвестность. Каждый шаг давался ей с трудом, но она шла. Она шла, оставляя на сером пепле следы своих босых ног. Шла, сжимая в руке холодный амулет, который, казалось, с каждым её шагом становился все теплее.

И в её руке, у самого сердца, темное «золото» амулета начало медленно, едва заметно, нагреваться, вторя первым, неуверенным ударам её собственного, выжившего сердца. Это было странное, почти невозможное ощущение, но оно давало ей силы. Силы идти дальше. Силы жить. Силы бороться. Она не знала, что ждет её впереди — спасение или гибель, ответы или новые вопросы, любовь или ненависть. Но она знала одно: она больше не будет жертвой. Она станет охотницей. Охотницей на тех, кто превратил её мир в пепел.

Пепел скрипел под ногами. Тишина звенела в ушах. А впереди, за черным остовом сгоревшего леса, сгущалась тьма, готовая поглотить одинокую фигурку, бредущую навстречу своей судьбе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.